

Список иллюстраций

Рис. 1. Карта Т-О из «Этимологий» Исидора Севильского (Auxerre, Bibliothèque Municipale MS 76 fol. 91v.), датируемая второй четвертью XII века.

Рис. 2. Карта Беата (Burgo de Osma, Archivo de la Catedral Codex 1, fols. 34v.–35r.), датируемая 1086 годом.

Рис. 3. Влияние воздуха. «Livre des propriétés des choses» Бартоломея Английского, датируемая 1447 годом (Amiens, Bibliothèques d'Amiens Métropole MS 399 F fol. 131).

Рис. 4. Регионы, города и природные условия. «Livre des propriétés des choses» Бартоломея Английского, датируемая 1447 годом (Amiens, Bibliothèques d'Amiens Métropole MS 399 F fol. 166).

Рис. 5. Т-О карта из «Livre des proprietéz des choses» Бартоломея Английского, датируемой 1482 годом (London, British Library, MS Royal 15 E III fol. 67v).

Благодарности

Моей особой удачей стала возможность изучить репрезентацию воплощения сообществ и биополитики в исследовательском проекте, посвященном досовременному обеспечению здоровья в европейских городах. Многие идеи, попавшие в эту книгу, возникли в результате дискуссий с Жанной Куманс, Тейлор Занери, Лолой Дигард и Леа Эрмено. Я особенно благодарна Пейману Амири за его поддержку. Я также хотела бы поблагодарить моих коллег из Лейденского университета Луи Сикинга и Роберта Стайна. Питер Хоппенбрауэрс указал мне на линию этнической стереотипизации, когда я была аспиранткой. Я благодарю его за воодушевление и поддержку на протяжении многих лет. Дружба и комментарии Кэрол Роклифф всегда были для меня вдохновением.

Эрик Сторм, Джудит Поллманн и Руди Кюнцель прочитали ранние версии рукописи и внесли очень содержательные предложения. Беседы с Гаем Гельтнером, его поддержка и комментарии были неоценимы. Я хотела бы выразить глубокую благодарность Перегрину Хордену, Питеру Биллеру и Линде Фойгтс, а также рецензентам рукописи. Я очень признательна за их содержательные комментарии. Я благодарю Кэролайн Палмер и Элизабет Макдональд за их превосходное руководство при подготовке рукописи к публикации.

Некоторые исходные материалы были представлены и обсуждены в предыдущих статьях и главах. Часть второй главы в переработанной версии первоначально была опубликована в тексте «Фиксированные и изменчивые: географический детерминизм, этническая принадлежность и религия в 1100–1300 гг. н. э.», в «Справочнике Рутледжа по идентичности и окружающей

среде в классическом и средневековом мире» под редакцией Ребекки Футо Кеннеди и Молли Джонс-Льюис (Лондон, 2016), с. 93–113. Источники для первой и второй глав также обсуждались в тексте «Характеристики тел и этнической принадлежности в 900–1200», опубликованном в «Medieval Worlds 5» (2017), с. 95–112, по итогам конференции «Идентичность, этническая принадлежность и государственность до современности: старые споры и новые перспективы», организованной Ильей Афанасьевым в 2015 году в Оксфордском университете.

Наконец, я хотела бы поблагодарить Марселя Хэнена, который рассказал мне о пингвинах и людях, а также мою семью.

Введение

Эта книга посвящена тому, как воображали этничность. Вильям Мальмсберийский (ок. 1090–1143) мог многое сказать о предполагаемом характере наций из своей уютной кельи в Уилтшире. Спустя три десятилетия после Первого крестового похода (1095–1099) этот эрудированный монах-бенедиктинец составил безупречный отчет о воинственном призыве папы Урбана II (1035–1099) в 1095 году начать кровавый крестовый поход против мусульманского владычества в Палестине [Tuerman 2006: 58–91]. В своей версии, включенной в «Деяния английских королей», моралистическое руководство по правлению, посвященное шотландскому королю Давиду I (ок. 1085–1153) и императрице Матильде (1102–1167), библиотекарь аббатства Мальмсбери решил похвастаться своим знакомством с греко-арабской энвайронментальной теорией, которая в то время приобретала влияние в западноевропейских школах и при дворах [Weiler B. 2009; Phillips J. E. 2017; Titterton 2020]. Вильям украсил призыв папы Урбана к оружию демонстрацией военных навыков различных народов Европы и Западной Азии, используя древнюю климатическую теорию Гиппократ, которая объясняла психические и физические черты характера этнических групп физиологическими причинами.

Папа предположительно выразил сожаление по поводу неспособности северных регионов Европы воспитывать хороших рыцарей. Тем самым папа Урбан связал окружающую среду с религией и культурой: «Остается Европа, третья зона. Как мала ее часть, населенная нами, христианами! Ибо никто не назовет христианами тех людей, которые живут на отдаленных островах

в замерзшем океане, ибо они живут как звери»¹. Далекие от солнечного зноя, эти люди были «менее рациональны, но сражались очень охотно, гордо полагаясь на щедрый и обильный приток крови». Вильям также объясняет доблесть французской армии региональной средой. С другой стороны, турецкий враг, напротив, страдал от неумелости, трусливо пуская стрелы издали, ибо «действительно хорошо известно, что каждый народ, рожденный в восточном климате, иссушается великим зноем солнца; у них, может, и больше здравого смысла, но у них меньше крови в жилах, вот почему они избегают ближнего боя». Только французы — папа Урбан обращался к толпе, собравшейся в Оверни на территории современной центральной Франции, — создали превосходные армии, которым были свойственны придворные идеалы как рационального мышления, так и мужества: «Вы народ, происходящий из более умеренных регионов мира, люди, чья готовность пролить свою кровь вызывает у вас презрение к смерти и ранам, хотя вы не лишены и предусмотрительности; ибо в стане вы соблюдаете умеренность и в пылу сражения находите место разуму»².

Комментарии Вильяма Мальмсберийского представляют собой адаптацию популярного руководства военного стратега IV века Вереция «*De re militari*» [Vegetius 2004; Allmand 2011]. Тем не менее Вильям обратился к греко-арабской энвайронментальной теории, находящей объяснения групповым чертам в окру-

¹ «Tertium mundi clima restat Europa, cuius quantulam partem inhabitamus Christiani! Nam omnem illam barbariem quae in remotis insulis glatiale frequenter oceanum, quia more belvino victitat, Christianum quis dixerit?» [William of Malmesbury 1998–1999, 1: 600–601].

² «Contra, populus qui oritur in Arctois pruinis, et remotus est a solis ardoribus, inconsultior quidem sed largo et luxurianti superbus sanguine promptissime pugnat»; «Constat profecto quod omnis natio quae in Eoa plaga nascitur, nimio solis ardore siccata, amplius quidem sapit, sed minus habet sanguinis; ideoque vicinam pugnam fugiunt, quia parum sanguinis se habere norunt»; «Vos estis gens quae in temperatioribus mundi provintiis oriunda, qui sitis et prodigi sanguinis ad mortis vulnerumque contemptum et non careatis prudentia; namque et modestiam servatis in castris, et in dimicatione utimini consiliis» [Ibid.: 602–603].

жающей среде, не только чтобы продемонстрировать свои знания. Примечательно, что это дало ему голос эпистемического авторитета, помогая монаху сформулировать предполагаемый геополитический переход власти из Юго-Западной Азии в Северо-Западную Европу в научных и религиозных терминах. Это также позволило ему изобразить новобранцев Западной Европы — рациональных и мужественных людей — как справедливых защитников христианства, дав им право в рамках движения крестоносцев вступать во владение близкими и далекими землями и собственностью.

Вильям Мальмсберийский выдвинул этот аргумент, когда в Северной Европе происходили сельскохозяйственная революция и быстрая урбанизация, а рыночная экономика расширялась в геометрической прогрессии. Население Европы между 800 и 1300 годами выросло почти в три раза, достигнув 70 миллионов человек³. Именно в этих условиях, по мере распространения культуры грамотности, монахи, схоласты и придворные применяли идеи о влиянии среды на характер и культуру в своих хрониках, схоластических текстах, поэзии и письмах, поощряя и оправдывая священные завоевания, при этом осмысливая свою собственную территорию как *patria*, одомашненное пространство. Таким образом, греко-арабская наука и римская риторика позволили этим людям самоуверенно и нагло позиционировать Западную Европу как «естественное» хранилище дисциплинированной, рациональной мужественности, отличавшееся этим от религиозно-средовых Других.

Как энвайронментальный детерминизм позволил этой этнической риторике возникнуть и развиваться в период расцвета универсализирующих политических и религиозных идей и структур? Как она применялась и в каких контекстах? В этой книге аргументируется, что в период 950–1250 годов энвайронменталь-

³ См. [Hoffmann 2014: 116–117]. Эту трансформацию часто называют «ренессансом» — органический термин, которого я хотела бы избежать. Он был введен в [Haskins 1927], затем воспроизведен в [Benson et al. 1982; Young 1969; Hollister 1969; Swanson 1999]. См. также [Southern 1970].

ная теория слилась с религиозными и культурными нарративами о прогрессе, что позволило северо-западным европейцам вообразить и презентовать себя естественными, нравственными, рациональными сообществами, обитающими в умеренных одомашненных пространствах и наделенными хорошей речью, что отличало их от иррациональных, недисциплинированных Других, живущих за пределами Европы или христианского мира. Сообщества изысканных, рациональных и сильных людей, живущих по хорошим законам, подходили для хорошего правления, тогда как неразумные или слабые существа в незаконных обществах навлекали на себя порабощение. Со временем сложившиеся религиозно-генеалогические конструкции этничности стали опираться на окружающую среду, а этнический характер стал считаться географически детерминированным. Это произошло в то время, когда Северная Европа претерпевала изменения в сферах урбанизации и грамотности [Mostert 2013], образования и экономики, вела колониальные и захватнические войны.

Монахи, схоласты и придворные распространяли в своей прозе, поэзии, трактатах и хрониках репрезентации этнических черт в трех конкретных контекстах: в мнемонических текстовых приемах, направленных на отражение коллективных грехов и добродетелей; в классификациях военных качеств, считающихся необходимыми для безопасности и защиты patria; и в этнографиях, конструирующих ложные образы лени, безрассудства, варварской речи и беззакония в регионах расселения и завоевания. Эти образы служили культурными аргументами для установления господства над «первобытными народами» и конфискации их собственности, почерпнутыми из цicerоновских представлений о взаимосвязи между разумом, речью и развитием обществ. Эти идеи получили развитие в юридических и философских трактатах XIII века, где рассуждалось о приобретении собственности, роли правительства, аристотелевском естественном праве и климате [Coleman 1983; Nederman 1988].

Чтобы создать эти аргументы, новые руководства по риторике активно учили, как стереотипизировать, воспроизводить и находить подтверждения знанию о характерах групп. Эти пособия

изучались в новых школах, где программа «*artes liberales*» готовила учащихся к изучению богословия, права или медицины⁴. Схоласты и придворные поэты, как часть высших слоев, тем самым перенимали образы, относящиеся к социально-экономической и военной элите (подчеркивая урбанизированность, хорошие манеры, силу и дисциплину), для построения репутаций этнического характера, сравнивая собственную вежливость, мужественность и рациональность с незаконным, звероподобным, иррациональным, деревенским статусом Других. Честолюбивые схоласты переняли это мировоззрение и использовали его в своей дальнейшей карьере в качестве профессиональных советников и администраторов, работающих в правительстве. Сеть образованных священнослужителей и придворных поэтов, часто находившихся в центрах власти, воспроизводила там классические и религиозные тропы, определяя свою этническую принадлежность с помощью образов, связанных с элитарными чертами и ценностями. Подчеркивая перформативный аспект этнической принадлежности, зеркальная литература (*specula*) и руководства по хорошему управлению домохозяйствами, городами и королевствами, таким образом, побуждали светскую и религиозную аристократию размышлять и регулировать свое поведение, добродетель и одежду, чтобы еще больше укрепить репутацию, которую они сами себе создали. Таким образом, этнические образы как европейцев, так и Других формировались и эксплуатировались авторитетными голосами схоластов и придворных, а не были закономерным результатом длительных культурных и политических процессов.

Чтобы понять, как эта конкретная структура национальных статусов развивалась между 950 и 1250 годами, эта книга использует и анализирует, с новой точки зрения изменяющегося дискурсивного воздействия религии и науки, богатую жилу до сих

⁴ Историография, посвященная возникновению школ и университетов в XII веке, обширна. Выборка: [Verger 1986; Verger 1997; Rüegg, de Ridder-Symoens 1992–2011; Ferruolo 1985; Leff 1968; Cobban 1988]. Об изучении медицины в университетах см. [O'Boyle 1998; Skinner 1997; Siraisi 1990: 48–77]. Про галенизм как педагогический инструмент см. [Parsons 2018].

пор нетронутых, а также более знакомых источников, от монастырских списков, энциклопедий и хроник до медицинских текстов, учебных пособий, проповедей, писем, стихов и прозаических текстов. Она охватывает период от появления в бенедиктинских монастырях каталогов этнических признаков в X веке до момента, когда монахи нищенствующего ордена, такие как Фома Аквинский (ок. 1215–1274) и Иоанн Парижский (ок. 1255–1306), обращались к аристотелевским идеям о стремлении естественного политического тела к достаточной жизни, объединяя естественные и политические процессы *zoë* и *bios* в их органической концепции человека и общества, теперь рассматриваемой через христианскую призму в качестве формы биополитики [Sère 2010; Meloni 2020; Rabinow, Rose 2006]. Подход и основные аргументы этой книги будут дополнительно объяснены ниже, где будут помещены в контекст существующих историографических традиций; ниже также будут изложены метод книги и используемая терминология. Это введение служит концептуальным и междисциплинарным обсуждением того, как этнический характер конструировался, то есть конкретизировался и украшался, примеры чему будут даны в шести главах книги.

Новые подходы, преодолевающие границы между модерном и домодерном

В этой книге исследуется, как применение энвайронментальной теории и сосредоточенность на *patria* при дворах в их военном аспекте переплетались с эсхатологическими схемами и классическими концепциями цивилизованности, позволяя монахам и схоластам представлять европейские этнические группы как морально-естественные сообщества, живущие в одомашненных пространствах. В ней утверждается, что в процессе энвайронментальная теория изменила существующие генеалогические, родственные конструкции, объединяющие людей в сети. Авторитетные схоласты считали этнические черты географически детерминированными, а также встроенными в религиозные и культурные нарративы, провозглашающие якобы «цивилизационный про-

цесс»⁵. Биологические категории, которые создали эти авторитетные голоса, основывались на пересекающихся религиозных, социальных и культурных нормах, классифицируя физические силы, слабости и психические состояния людей гендерно окрашенным языком, в котором доминировало мужское физическое здоровье. Таким образом, подход этой книги, который обсуждается ниже, постулирует, что маркер «этнического характера» присутствует рядом и пересекается с другими узлами дифференциации, такими как внешний вид и культурные практики, которым придан смысл и которые встроены в пропитанные религией социальные исходные рамки власти, пространства и времени, прошлого, настоящего и будущего. Конфигурации этих маркеров порождали воображаемые натурализованные «этнотипы» (этнические олицетворения), символизирующие национальность в ее якобы наиболее существенной форме и населяющие сакрализованные территории [Leerssen 2006: 17]. Руководствуясь инструкциями и предписаниями, элита стремилась исполнять эти этнотипы.

Прежде чем обсуждать этот подход более подробно, необходимо сначала объяснить, какое место занимает эта книга по отношению к огромному корпусу исследований о нации, государственности, этничности и расе. На мой взгляд, изучение воображения этнических групп и идентификации с ними с точки зрения разных моральных, физических и правовых границ позволяет историкам сломать разделение на модерн и домодерн, которое в настоящее время укоренилось в исследованиях национальной идентичности, национальных государств, национализма и расизма⁶. Существующее разделение неразрывно связано с господ-

⁵ См. [Ball 2013: 13–15]. Предполагаемый цивилизационный процесс, который монахи и священнослужители XII века использовали как риторический аргумент, так же как и социально-культурные и медицинские нормы и ценности, пропагандируемые в быту и для поддержания здоровья, предшествует любому цивилизационному процессу, проявившемуся, по мнению Н. Элиаса, в XV веке [Элиас 2001].

⁶ Об этом разделении см. [Scales, Zimmer 2005; Hoppenbrouwers 2010]. Общее обсуждение подходов к этнической и национальной идентичности в эпоху домодерна: [Johnson 1995; Smith 1995; Hoppenbrouwers 2007]. О расе и этнической принадлежности см. настоящее введение далее.

ствующим представлением о национальном государстве как о неизбежном результате процессов формирования сообщества, управляемых светской современной элитой, которая с восемнадцатого века создавала национальные государства и привлекала свою рабочую силу для содействия индустриализации экономики и тем самым породила аргумент о служении национальным интересам⁷. Во главе этого процесса стояли элиты, принимавшие рациональные, бюрократические решения, пробуждая при этом групповые эмоции через проявления банального национализма, через символы и ритуалы⁸. Подчеркивая культурное конструирование национальной идентичности, историки двадцатого века отвечали на ранний подъем этнического национализма в 1900-х годах, расистской политической идеологии, утверждающей, что современные нации имеют более старые, исключительные, «средневековые» генеалогические и лингвистические корни. Примером последнего является «*Aus der Frühzeit des Nationalgefühls*» П. Кирна, изданная в Лейпциге в середине Второй мировой войны и на сегодняшний день остающаяся самой обширной публикацией о государственности на французских, британских и немецких территориях с VIII по XIII век [Kirn 1943]. Выбор Кирном темы (исторические границы немецких территорий и «средневековое национальное сознание») имел отношение к нацистской политике *Lebensraum*, как и его призыв к сильному национальному обществу и государству, побуждающий читателей признать свои обязанности в «расовой и национальной политике»⁹.

⁷ Большое влияние оказали: [Геллнер 1991; Тилли 2009; Breuilly 1982; Хобсбаум 2017]. См. также серию статей [Hobsbawm, Ranger 1983], в которых утверждается, что многие национальные традиции, культурные обычаи и символы на самом деле были изобретениями XIX века.

⁸ О концепции банального национализма в XIX веке см. [Billig 1995].

⁹ См. [Kretschmann 2008: 26–28]. Примечательно, что копия книги Кирна использовалась для отправки закодированных сообщений (буквы на каждой второй странице были слегка наклонены) Дитрихом Бонхёффером, членом немецкой группы сопротивления офицеров абвера, пытавшихся свергнуть нацистский режим в 1939 году. Бонхёффер был заключен в тюрьму и позже приговорен немцами к смертной казни в апреле 1945 года после неудавшейся попытки убийства Гитлера в 1944 году [Bethge, Gremmels 2005: 142].

После Второй мировой войны, в ответ на романтический этнический национализм XIX и начала XX века, (пост)модернисты соответственно подчеркивали сконструированные и недавние аспекты государственности, являющиеся результатом политически и экономически обусловленных рациональных процессов современности и институционализации¹⁰. Исследования вклада религии в воображение наций как моральных сообществ, защищающих сакрализованные пространства, тем самым отчасти отошли на второй план. Более того, сообщество, сплоченное и управляемое династическими сетями, черпающими свою власть от Бога (противовес светскому, рациональному, бюрократическому и в конечном счете демократическому национальному государству), описывалось как ушедшее в прошлое, как иррациональное, в конечном счете «феодалное» и, следовательно, «средневековое». Действительно, династическое царство было заменено государством, связанным просвещенными, универсальными и национальными законами, основанными на общественном договоре, волеизъявленном людьми, составлявшими политическое тело, и поддерживаемом институциями. Примечательно, что этот сдвиг произошел предположительно в тот же период, когда глобальная колонизация европейскими державами была в самом разгаре¹¹. В этой перспективе современные историки и политологи придают большое значение определению периода, когда достаточное количество населения приняло «национальную идентичность», чтобы можно было говорить о нациях и национальных государствах.

Историки, изучающие ранние периоды, зная о наличии в архивах и библиотеках источников, упоминающих этнический характер, в ответ доказывали существование досовременного национального сознания, но при этом применяли категории современности. Горстка ученых, взявшихся за изучение этих более ранних источ-

¹⁰ См. [Smith 2000: 5–13]. Недавний и откровенный взгляд на нации, «уходящие корнями в прошлое»: [Gat, Yakobson 2012].

¹¹ Начало формирования «средневековья» и «феодализма» в сочетании с колонизационными усилиями, начавшимися в XVI веке, блестяще описано К. Дэвис [Davis K. 2008] и Дж. Хенг [Heng 2018: 20–24]. См. также [Champion 2019; Fryxell 2019].

ников, часто искала доказательства происхождения веберианского рационального, бюрократического и централизующего государства в более ранние периоды, или же существования более древних естественных сообществ, или того и другого. В любом случае они согласились с тем, что формирование национальных сообществ было по своей сути обусловлено процессами политического формирования государства, которые в конечном итоге приведут к зрелой материализации национальных государств современности. При этом, однако, вновь утверждая сконструированную, а не изначальную или органическую природу наций, историки, изучающие «средневековый период», продолжали делать вывод, что национальность существовала, если и когда набиралась численность (то есть когда достаточное количество населения могло представить собой сообщество) и можно было отметить соответствующие поля, представляющие элементы этнической принадлежности (вера в наличие общих обычаев, ощущение общего прошлого, язык и т. д.). Таким образом, поставленный историками вопрос, казалось, вращался вокруг точного определения того, *когда нация была сконструирована*, возникла, а не *как она была представлена, почему именно так и с какой целью*.

Несколько примеров. С. Рейнольдс выступала за долговечность и естественность политических сообществ, утверждая, что коллективный характер средневекового правительства *ipso facto* означал, что нация была «естественным, данным, объективно существующим человеческим сообществом», связанным происхождением и культурой, в силу чего существование королевств и общие законы способствовали чувству солидарности [Reynolds 2005: 56–61; Reynolds 1984: 250–251]. Х. Сетон-Уотсон утверждал, что правители, начиная с тринадцатого века и далее, проложили путь к *политическому конструированию* национальных государств посредством бюрократизации, централизации налогообложения и установления монополии на насилие, возвращенных развивающимися дискурсами суверенитета [Seton-Watson 1977]¹². Ранее Дж. Стрейер в своей книге «О средневековых истоках со-

¹² Однако см. [Hastings 1997].

временного государства» довольно откровенно пытался определить формы государственного образования, которые предварительно очерчивали контуры современного государства [Strayer 1970]. Лишь в последнее время К. Хирши инверсивно и новаторски начал переоценивать влияние *концептов*, подчеркивая непреходящее влияние древней политической идеологии *imperium*, адаптированной к миру германских народов и создавшей, по его мнению, новую форму национализма, в котором многополярные нации стремились к самоопределению через притязания на честь. При этом его подход был одним из первых, в котором рассматривалось влияние идей [Hirschi 2012]. В этом смысле его исследование было откликом на книгу «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона, ранее открывшую новые перспективы взгляда на феномен национальной идентичности и национализма с помощью подчеркивания влияния ментальных концепций на процессы формирования сообществ. Тем не менее Андерсон тоже утверждал, что национальная идентичность по своей сути является современной, и сопоставлял горизонтальные связи современности с «основополагающими представлениями о “социальных группах”» досовременности, которые, по его мнению, «были центро-стремительными и иерархическими, а не ориентированными на границу и горизонтальными» [Андерсон 2001: 39]. Часть аргументации Андерсона основывалась на его понимании «средневекового времени» как неисторического или аналогического, — точка зрения, которая с тех пор оспаривается как неправильное понимание религиозной аллегории¹³. Принимая этот темпоральный аргумент, Андерсон сам внес свой вклад в стадийное отчуждение «Средних веков» в манере, аналогичной тому, как схоласты и монахи двенадцатого века изображали более ранние сферы власти как замкнутые в прошлом, оставленном позади, в «*translatio studii et imperii*», что раскрывается ниже. Более того, ни Хирши, ни Андерсон не анализировали религиозные и научные дискурсы, социальные нормы и ценности, лежащие в основе определения

¹³ О концепте эсхатологического времени см. [Koselleck 1979]. Дискуссии о мессианском времени см. в источниках в [Weeda 2018a: 22–30].

способов воображения наций. Тем самым, как утверждается в этой книге, воображаемая нация, или этнотип, находится в длинной и изменчивой текстовой и устной традиции, в силу чего уместность и сила этих образов зависят от контекста, в котором они используются, от дискурсов, в которых определяется их достоверность, от авторитетных голосов, которые ими владеют, и от аргументов, выдвигаемых на их основе, — аргументов, которые часто, будь они «древние», «средневековые» или «современные», вращаются вокруг предполагаемого присутствия или отсутствия рационального мышления, дисциплины, порядка и силы в сравнении с другими, с прошлыми подвигами и грядущими судьбами.

Соответственно, в прошлом возникли запутанные дискуссии о том, существовала ли премодерновая политическая идеология национализма, то есть доктрина суверенитета, обеспечивающая «законную государственную власть», проистекающую из «воли нации»¹⁴. Например, Рейнольдс и Р. Дэвис использовали риторику шотландской Арбротской декларации 1320 года («Ибо доколе хоть сотня из нас останется в живых, никогда и ни в коей мере не покоримся мы английскому владычеству») в качестве доказательства существования политического национализма [Davies 1996: 11; Reynolds 1984: 274–276; Leerssen 2006: 25]. Однако ученые проявляли осторожность при оценке того, в какой степени ссылки на национальность непосредственно представляли широкий, народный голос. Большинство историков более ранних периодов, хотя и говорили о национализме, действительно тщательно подчеркивали различные масштабы политической идеологии и широко распространенного национального чувства, но все же использовали современный вокабуляр национализма [Szűcs 1972; Zientara 1981; Werner 1970; Grevin 2020]¹⁵.

Хотя до настоящего времени относительно мало внимания уделялось влиянию религиозных идей и энвайронментальной

¹⁴ О подобных дискуссиях о национализме в более ранние времена см. [Leerssen 2014a; Hirschi 2014; Leerssen 2014b]. Об определении национализма как политической идеологии см. [Leerssen 2006: 14–15].

¹⁵ См. также [Strayer 1970: 45–56].

теории на построение этничности, доступны ценные исследования более поздних периодов и подтем, охватывающие влияние правовых идей и политических концепций. Хорошо продуманным исследованием, включающим концепцию метафорического политического тела, является книга А. Ригодьера «*Penser et construire l'État dans la France du Moyen Âge*», в которой утверждается, что древняя концепция политического тела сформировала дискурсы власти, ускоряющие процессы формирования государства в Западной Европе в XIV–XV веках¹⁶. Как предположили Г. Пост и, совсем недавно, Хирши, со второй половины XIII века в судебных дискуссиях рассматривалась цicerоновская концепция *patria* — хотя, как показано в этой книге, им предшествовали более ранние военные призывы защищать *patria*, вдохновленные «*De re militari*» Вегеция. Распространялись аргументы, что государство заслуживало *defensio patriae* и, иногда, что права и обязанности были связаны с лояльностью подданных на основании происхождения¹⁷. Решение о том, кто имеет право умереть за отечество, *pro patria mori*, является ярким свидетельством включенности или исключенности из сообщества, поскольку оно указывает, чье тело сообщества могут рассматривать как законную жертву, что не относится к якобы слабым еврейским, мусульманским или женским телам¹⁸. Верность также может рассматриваться в понятиях этничности. Сноудонские валлийцы заявили в 1282 году, что «даже если их принц передаст их королю, они сами откажутся воздать должное любому иностранцу, чей язык, обычаи и законы они совершенно не знают»¹⁹.

¹⁶ См. [Rigaudière 2003]. Существует множество исследований по вопросам формирования государства в XIV и XV веках, бюрократии, правовой, финансовой и военной экспансии, а также «рационализации» правительства, которые не могут быть включены сюда. См., например, [Stein 2017].

¹⁷ См. [Hirschi 2012: 50–71; Post 1953: 288–291; Kantorowicz 1957: 247; Guenée 1985: 55]. О значении *patria*: [Eichenberger 1991].

¹⁸ См. в [Rabinow, Rose 2006] обсуждение концепта Дж. Арамбена *homo sacer*.

¹⁹ «[L]icet princeps vellet dare regi seysinam eorundem, ipsi tamen nollent homagium facere alicui extraneo, cujus linguam, mores, legesque penitus ignorant» [Registrum 1882–1885, 2: 471]. Перевод см. в [Davies 1996: 11].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru